

С. А. Серова

Официальный церемониал: истоки и перспективы изучения.

Понятие «церемониал» допускает широту и вариативность интерпретаций. Будучи образованным от слова «церемония», оно означает ряд действий и изъятий символического характера, традиционно обязательных в тех или иных случаях как общественной, так и религиозной жизни. «Церемониал» может проявлять свое значение на трех основных уровнях. В самом общем смысле это весь комплекс традиционно обязательных обрядов и форм, затрагивающих все сферы общественной и религиозной жизни. В более узком смысле под церемониалом подразумеваются формы, регулирующие внешнее обращение между людьми (здесь можно провести аналогию с этикетом). И, наконец, в самом прямом и конкретном значении церемониал понимают как порядок совершения церемоний, установленных для того или другого торжественного случая (например, церемониал коронования, венчания, погребения и т.д.). Таким образом, под словосочетанием «официальный церемониал» в широком контексте следует подразумевать совокупность мер (обряды, формы регулирования отношений, набор церемоний, сакральность), направленных на создание и поддержание определенного образа власти.

В данном докладе предлагается рассмотреть официальный церемониал в качестве особого объекта исследования. Для этого необходимо будет затронуть следующие взаимосвязанные моменты:

1. зарождение и разработка сюжета;
2. заинтересованность гуманитарных дисциплин в исследованиях;
3. этапы и особенности рассмотрения в российской историографии;
4. методологические установки, способствующие изучению.

С момента становления политики как сферы профессиональной деятельности и формирования управленческого аппарата немецкий социолог М. Вебер¹ отсчитывает начало существования публичной власти в ее современном понимании и проявлениях. В работе «Политика как призвание и профессия» он выделяет три «идеальных типа» господства: традиционный (опирающийся на силу традиции или обычая), легальный (основывающийся на следовании целерациональным мотивам и, в частности, на подчинении принципам права) и харизматический (характеризующийся всеобщим признанием выдающихся качеств носителя власти и верой в его личную избранность). Это разделение важно с точки зрения понимания природы власти, а отсюда способов ее законного признания (легитимации) и поддержания. О легитимности как способе символического насилия (в контексте официальной номинации) писал другой социолог – французский исследователь П. Бурдьё². Он же занимался вопросами рассмотрения

Серова Светлана Андреевна, аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Эл. почта: serovasvetlana@mail.ru

¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 644–707.

² Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.

соотношения социального пространства и символической власти в рамках структурализма и конструктивизма¹.

В политологии обрядовость и официальный церемониал изучает особая область, появившаяся не так давно, – политическая культура². При передаче политического опыта происходят определенные воздействия, которые либо укрепляют сложившуюся политическую культуру, либо трансформируют ее. Поскольку опыт передается через систему ценностей, норм поведения и идеологических представлений, то воздействие официальной идеологии может способствовать укреплению политической ситуации (отсюда та важность, которая придается «обрядам посвящения в сан»: коронация, инаугурация).

Воздействие политической культуры определяется двумя составляющими: политической символикой и политическими ритуалами³. Сюда относятся как государственные символы (флаг, герб, гимн), обладающие официальным статусом, так и внешние атрибуты власти (торжественные церемонии, парады, праздничные мероприятия). При этом слово «символ» объединяет в себе идеальное и материальное (конкретно в политике – соединение идеального представления о власти с миром реальных вещей). Сами же понятия символизма и ритуальности пришли к нам из далекого прошлого. Именно поэтому политологи указывают на необходимость их изучения в контексте исторического развития с целью лучшего понимания настоящих реалий⁴.

Обратимся к Западной Европе периода деятельности школы «Анналов». Один из ее самых ярких представителей – М. Блок в книге «Короли-чудотворцы»⁵ собрал разрозненную до этого библиографию по изучению королевской власти в Испании, Франции, Англии, Германии, Византии. Вслед за этим изданием появились многочисленные разработки сюжета, посвященные отдельным странам и периодам. Наибольшее внимание при этом было обращено на изучение церемониала коронации в средневековой Франции⁶. Вместе с тем продолжались попытки выявления общих подходов и методологических принципов в изучении церемониала. Материалы по правлениям (Меровинги, Каролинги) и странам (Англия, Франция, Византия) раннего европейского средневековья представлены в обобщающем труде Джанет Джексон⁷.

---

¹ Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 181–207.

² Кислицын С.А., Лихотинский В.А. Политическая культура // Якопов Г.Л., Кислицын С.А. Политология. Ростов на Дону, 2009. С. 261–279.

³ Гаджиев К.С. Политическая культура: концептуальный аспект // Политический исследования. 1991. № 6. С. 69–83; Мисюров Д.А. Политическая символика: между идеологией и рекламой // Политические исследования. 1999. № 1. С. 168–174.

⁴ Захаров А.В. Народные образы власти // Политические исследования. 1998. № 1. С. 23–35.

⁵ Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. М., 1998.

⁶ Jackson R. Vivat Rex! Histoire des sacres et des couronnements en France. 1364–1852. Paris, 1984; *Le sacre des rois*. Paris, 1985.

⁷ Nelson Janet L. Politics and Ritual in Early Medieval Europe. London, 1986.

А в более поздней работе Эдварда Мюира¹ дается определение понятия «ритуала» как формального, коллективного и торжественного действия.

Хоть и с заметным опозданием, но весьма успешно в плане изучения дворцового церемониала, мировую историографию дополнили работы российских медиевистов. Целый коллектив авторов принялся за изучение западноевропейских источников. Первые результаты их исследований появились в сборниках с тематическими статьями под редакцией Н.А. Хачатурян. Книга «Королевский двор...»² посвящена эволюции королевского двора в европейских государствах эпохи средневековья и раннего нового времени. В другом сборнике «Священное тело короля»³ авторами рассматривается представление о сакральной природе верховной политической власти в истории доиндустриальных европейских обществ. Для создания наиболее полной общей картины собраны материалы по разным странам: Средневековая Европа, Византийская империя, Франция, Англия, Германия, Испания, Чехия, Венгрия, Московское царство XVI века.

В качестве отдельной монографии следует выделить работу М.А. Бойцова «Величие и смирение»⁴, представляющую собой очерки по политическому символизму средневековой Европы. Символизм власти – это также недавно открытая тема, поэтому автор уделяет особое значение вопросам терминологии. Он пытается заменить словосочетание «репрезентация власти» на более подходящий термин и останавливается сначала на «символической коммуникации», затем на «потестарной имагологии» (с акцентом на понятии «символ»). Но, в конечном счете, оставляет привычную формулировку «политический символизм».

Таким образом, изучение официального церемониала изначально осуществлялось на западноевропейском материале. Перейдем к российской действительности.

Дореволюционный период характеризовался по большей части накоплением источниковой базы. Здесь можно выделить письменные и изобразительные источники. К первым относятся нормативные документы и делопроизводственные материалы, составившие основу представления о церемониале как особом политическом действе, многочисленные издания описательного характера, посвященные отдельным праздникам, источники личного происхождения (мемуаристика и письма) с впечатлениями организаторов и участников церемониальных празднеств, периодическая печать, подробно освещавшая наиболее торжественные моменты, сами высочайше утвержденные церемониалы, а также сопутствующие церковно-панегирические произведения, торжественные стихи и кантаты, работавшие на престиж монархии. В свою очередь, изобразительные источники (гравюры, карандашные рисунки, наброски, акварели) смогли впоследствии обеспечить наглядность имеющихся письменных свидетельств.

---

¹ Muir E. Ritual in Early Modern Europe. Cambridge, 2000.

² *Королевский двор* в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал. 2004.

³ *Священное тело короля: ритуалы и мифология власти*. М., 2006.

⁴ *Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе*. М., 2009.

Отдельные работы, которые рассматривали бы церемониал как особый объект изучения, на данном этапе не выявлены. Есть лишь упоминания в обобщающих исторических трудах о том, что те или иные церемониальные акты имели место быть и с чем они были связаны. Для историографии XIX в. по части церемониала характерно описательное изложение материала.

Церемониалы являлись ядром репрезентации царской власти в Российской империи. Еще со времен древней Руси они стали неотъемлемой частью правления князей. На протяжении веков сложились определенные «демонстративные модели», призванные показать и подчеркнуть связь правителя со своими подданными, удостоверить целостность и неизменность полномочий, подтвердить преемственность. Церемониал, будучи эффективным средством воздействия на подданных, постоянно модифицировался, подстраиваясь под менявшиеся политические и социальные условия. В правление Петра I к византийским образцам и традиционным особенностям Руси добавился светский элемент. Таким образом, церемония приобрела две составляющие, соотношение которых впоследствии варьировало. Модификации XVIII и XIX в. не были столь существенными, зато показательным стал рубеж XIX – XX вв. как по степени накопленного опыта, так и по соотношению сочетаний нововведений с традиционными формами. Будучи неотъемлемой частью жизни царской, а впоследствии императорской России, церемониал не затрагивался как объект специального исторического исследования.

Установление советской власти ознаменовалось намеренно демонстративным разрывом каких-либо связей с прошлым. На долгие годы имперская Россия перестает быть объектом внимания и изучения. Прежнюю историю предполагалось использовать лишь в качестве резко отрицательного примера политического бесчинства. Молодое советское государство строило свою модель социальных взаимоотношений. Но полностью отказаться от примеров прошлого не удалось.

В частности, необходимой стала наглядная демонстрация успехов нового политического устройства. И здесь вспомнили об официальном церемониале. Только особый акцент теперь был сделан на массовости торжественных мероприятий, которые составили одно из ведущих направлений пропаганды советской власти¹. Процесс организации и оформления праздника получил детальную разработку, так как оказался практически востребованным обществом и руководством страны. Основные работы посвящены были оформлению города в дни демонстраций трудящихся², подчеркивался народный характер празднований³, широкое применение получило использование пропагандистских средств⁴. Тема не теряла своей актуальности, но рассматривалась исключительно в рамках советского периода, без поиска истоков в дореволюционной России.

---

¹ Полищук Н.С. У истоков советских праздников // Советская этнография. 1987. № 6. С. 3–15.

² Кузнецова А., Магидсон А., Щукин Ю. Оформление города в дни революционных празднеств. М.-Л., 1932.

³ Глязер С. Народные празднества. В помощь организатору и оформителю первомайского праздника. М., 1938.

⁴ Диденко И.А., Островнец А.М., Циглер Б.В. Художественное оформление наглядных средств и пропаганды. М., 1971.

Исключением в данном случае стали исследования искусствоведа О.В. Немиро¹. Помимо общих разрабатываемых направлений автор обращается (особенно в более поздних работах и статьях) к дореволюционному периоду, начиная с XVIII в. Немиро пишет о преобразовательной политике петровской эпохи, способствовавшей проникновению светской идеологии в праздничную культуру, подробно останавливается на декоративно-оформительской практике, разбирая систему символично-эмблематических изображений, выделяет функции средств искусства, рассказывает о способах преобразования города.

После распада Советского Союза в 90-е гг. XX в. открылись новые реалии исторических исследований. Оказался возможным доступ во многие закрытые ранее архивы, произошло знакомство с работами зарубежных авторов, увеличилось количество исследовательских направлений. Ученые вновь обратились к изучению дореволюционного прошлого страны.

Первой и пока единственной обобщающей работой по изучению российского церемониала и символики дореволюционной России стал двухтомный труд американского ученого Ричарда Уортмана². В первом томе «Сценариев власти» рассматриваются придворные ритуалы русских императоров, начиная с эпохи Петра I и заканчивая правлением Николая I. Второй том посвящен царствованиям Александра II, Александра III и Николая II. В рамках исследования прослеживается изменение образа монархии и способов репрезентации власти на протяжении нескольких веков российской истории. Особенно подробно представлены церемонии, являвшиеся неотъемлемой частью имперского действия. Книга Уортмана содержит богатый фактический материал и наглядные изображения.

Отечественные исследователи пока ограничиваются анализом определенных аспектов в описании церемониалов и выделяют для изучения довольно небольшие исторические периоды. Изучается обряд возведения на престол российских царей в XVI–XVII вв. и процесс формирования коронационного комплекса регалий власти (проводятся аналогии с обрядами европейских держав)³, исследуется русское церемониальное оружие XVI–XVII вв.⁴. Освещаются церемонии и праздничная культура XVIII в.⁵, анализируются церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX в.⁶ Особого внимания заслуживают работы Б.А. Успенского⁷, в которых рассматривается эволюция инаугурационного помазания

---

¹ Немиро О.В. Праздничный город. Искусство оформления праздников. История и современность. Ленинград, 1987.

² Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. М., 2004.

³ Бычкова М.Е. Магия власти. М., 2009.

⁴ Левыкин А.К. Русское церемониальное оружие XVI–XVII вв. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал. 2004. С. 383–408.

⁵ Работы Агеевой О.Г.; Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века. М., 2002; Ритуал печального кортежа. Ритуал похорон Российских императоров. СПб., 1998.

⁶ Захарова О.Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX века. М., 2003.

⁷ Успенский Б.А. Царь и император: помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.

монархов Запада и Византии. Автор пытается найти сходства и различия с российскими моделями, разбирается с обозначениями титулов – царь, василиск, император.

Церемониал с точки зрения способов общения властей и населения, возможностей репрезентации идей и демонстрации силы востребован современной политологией¹ и культурологией². Выявляются различия в понимании терминов «церемониал», «церемония» и «ритуал»³.

Сюжет находит свое развитие, как в пространственном, так и во временном диапазоне. Отсюда возникает закономерное желание проводить сопоставления с целью выявления схожих черт и особенностей. Не следует забывать при этом об историческом контексте изучаемых периодов. Одни и те же механизмы воздействия могут по-разному проявляться и давать порой даже противоположные результаты при наличии различных экономических, политических и социальных факторов.

Официальными церемониями интересуются политологи, социологи, историки, культурологи. Отсюда разнообразие в подходах и методах исследований. Свою лепту вносят и смежные дисциплины: политическая история, историческая антропология, политическая культурология, социальная психология. При разработке тем данного направления следует руководствоваться принципами научной объективности и историзма, ориентируясь на первостепенное изучение источников. Возможные методы исследования: проблемно-хронологический, системный, метод сравнительного анализа, индукция (восхождение от частного к общему). Среди подходов: историко-культурный, культурологический (в частности, наследие Тартусской школы), ценностный, культурно-антропологический (например, ритуальная теория), историко-генетический (в отношении эволюции церемониала).

Наше собственное исследование по изучению официального церемониала ведется на материалах российских источников конца XIX – начала XX в. Этот рубежный период, с одной стороны, является итоговым этапом развития традиционных церемоний, берущих свое начало еще в допетровской Руси, таких как коронация, похороны, крестные ходы и войсковые парады. С другой стороны, издавна известные церемонии подвергаются переосмыслению и находят новое прочтение, а, в конечном счете, в модифицированном виде доживают и до наших дней. В частности, это относится к визитам глав государств и встречам на высшем уровне. Широкое воплощение получает лишь во второй половине XIX в. оформленная идея юбилеев и их широкомасштабного празднования: юбилей военных побед (двухсотлетие Полтавской битвы, столетие Отечественной войны и Бородинского

---

¹ *Феномен* русской власти: преемственность и изменение. Материалы научного семинара. Выпуск № 3 (12). М., 2008.

² *Образы* власти в политической культуре России. М., 2000; *Пивоваров С.Ю.* Политическая культура пореформенной России. М., 1994.

³ *Отто А.* Церемониал, церемония и ритуал российского придворного общества XVIII века: теоретико-методологический анализ в контексте современной западной историографии // *Российская история*. 2009. № 2. С. 115–124.

сражения), двухсотлетие со дня основания Санкт-Петербурга (ныне эта традиция продолжена), пик «юбилеемании»¹ – трехсотлетие Дома Романовых.

Понятие «официального церемониала» уточняется на конкретном историческом материале. Сюда входят особые церемонии государственной важности, ежегодно не повторяемые, а проводимые одновременно для решения каких-либо задач, призванных повысить престиж власти или объяснить (а в конечном счете и закрепить) осуществляемые (осуществленные в прошлом) мероприятия.

Широкий спектр имеющейся источниковой базы (непосредственно официальный церемониал, публицистика, пресса, делопроизводственная документация, источники личного происхождения), способствует выявлению особых подходов и методов исследования. Важным элементом становится эртологическая составляющая, подразумевающая рассмотрение церемонии как составной части праздничного действия. В то же время воплощение официальных церемоний конца XIX – начала XX вв. происходило в конкретном географически-ориентированном пространстве и было связано с определенными архитектурными модификациями. Следовательно, нельзя не учитывать урбанистический аспект. Жизнь города претерпевала ряд значительных изменений в торжественный дни – и в этом ключ к пониманию взаимосвязи между имперской задумкой и ее конкретным воплощением.

Официальный церемониал в широком смысле затрагивает ряд важных (и актуальных и в настоящее время) проблем: имидж властных структур, эффективность диалога власть-народ, грамотная подготовка и организация торжественных мероприятий, модификация городского пространства, обеспечение безопасности, распределение финансовых ресурсов и др. Таким образом, предложенный объект исследования заслуживает всестороннего и углубленного изучения.

---

¹ Это понятие вводит К.Н. Цимбаев в статье «Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века». (Вопросы истории. 2005. № 11. № 98–108).